

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЮЖНОАРАВИЙСКО-ЭФИОПСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В I ТЫС. ДО Н. Э.— 1-Й ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.: ОТ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА К НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ИМПЕРИИ¹

С. А. Французов
Институт востоковедения РАН
Санкт-Петербург

Самобытная цивилизация, сложившаяся в начале I тыс. до н. э. на территории Южной Аравии и в северной части Эфиопского нагорья², остается, пожалуй, одной из наименее изученных на всем Древнем Востоке. Ярким свидетельством этого служит отсутствие специальных разделов, посвященных данным регионам, в обобщающих работах по истории Древнего мира, выходящих в свет за последние десятилетия³. Трудно дать общий обзор развития цивилизации, сама хронология которой была еще недавно предметом ожесточенных дискуссий. Правда, к настоящему времени на основании результатов радиоуглеродного анализа целого ряда археологических находок и очередной критической переоценки данных источников выдвинутая в середине 50-х гг. концепция Ж. Пиренн, которая «укоротила» реальную историю южно-аравийско-эфиопской цивилизации⁴ на несколько столетий, приняв за

¹ Данная работа выполнена по проекту РГНФ № 96–01–00051 «Власть и реформы в странах Востока».

² Лучшая из существующих на сегодняшний день карт древней Южной Аравии создана ведущим французским сабеистом Кр. Робеном и геоморфологом Ю. Бруннером (*Robin Chr. J., Brunner U. Map of Ancient Yemen. Carte du Yémen Antique. 1 : 1 000 000. München, 1997*). В общем виде на ней дана локализация сабейских колоний в Эфиопии. Местоположение Аксумского государства в Древнем мире неплохо показано на карте «Африка по источникам первых веков нашей эры» (Берзина, Куббель, 1990. С. 102–103: карта 5).

³ См., например: Дьяконов и др. 1980; 1982; 1989. Пожалуй, в последний раз история Южной Аравии и Аксума в эпоху древности была рассмотрена в отдельной главе, хотя и весьма кратко, у Б. А. Тураева (Тураев 1935–1936, II. С. 246–250), однако приведенные у него данные ныне безнадежно устарели.

⁴ Древние общества Южной Аравии и расположенной на Африканском Роге Эфиопии (Абиссинии) были связаны единством происхождения, культуры и исторических судеб, хотя и отличались по целому ряду признаков. Вплоть до присоединения Йемена к державе Сасанидов во 2-й половине VI в. н. э., а затем прихода туда ислама в конце 1-й трети VII в. н. э. оба этих региона развивались в

ее отправную точку V в. до н. э.¹, полностью отвергнута². Сабейцы наконец получили в свое распоряжение временной отрезок с довольно четко очерченными границами, на котором им еще предстоит уточнять датировки конкретных событий. Как известно, основным, а для некоторых периодов и единственным источником по истории древней Южной Аравии и сопредельных регионов являются высеченные на камне или, реже, отлитые в металле надписи³, составленные на так называемых «эпиграфических» южноаравийских языках⁴. Продолжающееся интенсивное археологическое изучение Йемена⁵ постоянно вводит в научный оборот новые эпиграфические памятники, которые существенно дополняют, а подчас и меняют сложившееся у исследователей представление о южноаравийском обществе доисламского периода. Весьма

рамках одной и той же цивилизации, общепринятое название которой пока не выработано. Предлагаемый нами термин «южноаравийско-эфиопская» кажется довольно удачным, т. к. он содержит в себе указание на сосуществование внутри единой цивилизации двух локальных вариантов развития. Несмотря на то что южноаравийское влияние было весьма заметным в некоторых районах Северной и Центральной Аравии, эту цивилизацию нельзя назвать «древнеаравийской» или «аравийско-эфиопской», поскольку значительная часть Аравийского полуострова за пределами Йемена испытывала также сильное влияние различных переднеазиатских культур как в доэллинистическую, так и в эллинистическую эпохи и представляла собой зону устойчивых межцивилизационных контактов.

¹ Pirenne 1955; Pirenne 1956.

² См., например: Maigret, Robin 1989; Breton 1996; Avanzini 1996; Gnoli 1996; Lemaire 1996; Robin 1996. Кол. 1111–1117. Первым на несостоятельность хронологической схемы Ж. Пиренн и положенных в ее основу суждений о палеографии южноаравийской письменности обратил внимание А. Жамм (Jamme 1957), но его голос не был услышан отчасти из-за слишком резкой формы, в которую он облек свои замечания.

³ Одна из лучших характеристик этого специфического типа исторических источников принадлежит А. Г. Лундину (Лундин 1971. С. 7–12).

⁴ Речь идет о сабейском, ма'инском, қатабанском и ҳадрамаутском, которые до недавнего времени принято было рассматривать как диалекты одного языка — южноаравийского эпиграфического. Все эти языки называются «эпиграфическими» потому, что от них сохранились только тексты надписей, язык которых сильно формализован (так, все они, за редчайшими исключениями, составлены в 3-м лице). Интересно, что около двух десятков уже прочитанных документов на дереве (см. ниже, примеч. 1 на с. 248) существенно отличаются по своей лексике, синтаксису и стилистике от высеченных на камне письменных памятников, вероятно, за счет употребления разговорных форм того времени (например, в деловой переписке).

⁵ В середине 90-х гг. в связи с временной стабилизацией политической ситуации на Африканском Роге западные ученые планировали приступить к широкомасштабным археологическим изысканиям на территории Эфиопии и недавно отделившейся от нее Эритреи. В начале 1998 г. Французская археологическая миссия в Тыграй во главе с Кр. Робеном в течение одного полевого сезона проводила раскопки большого сабейского храма на городище Йеҳа (см.: Robin, Maigret 1998). Однако в связи с эскалацией в конце 90-х гг. эфиопско-эритрейского конфликта, временами переходящего в открытое вооруженное столкновение, деятельность иностранных научных экспедиций в обеих странах была приостановлена.

многообещающим кажется недавнее сенсационное открытие совершенно нового типа древнейших письменных источников — документов, вырезанных на деревянных палочках и на черенках пальмовых листьев. Судя по итогам предварительного анализа этих с трудом поддающихся прочтению текстов, их дешифровка даст ученым возможность впервые познакомиться с массовым материалом по южноаравийской экономике¹.

За последние годы появилось несколько работ, авторы которых стремились дать общий обзор истории и культуры Аравийского полуострова, преимущественно южной его части, а отчасти и Эфиопии, в эпоху древности². Тем не менее процесс зарождения и развития властных структур в существовавших там на протяжении I тыс. до н. э. — 1-й половины I тыс. н. э. ранних государствах, сопровождавшийся серьезными изменениями в их политическом строе, не получил еще достаточно полного освещения³. В этом очерке автор намерен восполнить данный пробел, впервые применив к анализу событий южноаравийской истории концепцию развития древних обществ, разработанную преимущественно на ближневосточном материале группой отечественных историков во главе с И. М. Дьяконовым.

Следует учесть, что среди более чем десяти тысяч дошедших до нас надписей сохранилось сравнительно немного юридических текстов, среди которых нет ни одного декрета, непосредственно сообщающего о проведении каких-либо реформ. Даже о таких важнейших событиях в истории древнего Йемена, как окончательное объединение Сабейского и Химйаритского государств в конце III в. н. э. или принятие монотеизма в качестве официальной идеологии во 2-й половине IV в. н. э., мы узнаем по косвенным данным. Между тем в последнем случае речь несомненно идет о религиозной реформе в полном смысле слова, соз-

¹ См.: Лундин 1995; Французов 2000а. С. 28—30. Более подробно об истории открытия и изучения, а также о характере этих документов см.: Ruykmans, Müller, Abdallah 1994. С. 1—15, 25—39.

² Bāfaqīh 1990; ReMMM, 61; Kitchen 1994; Красноморские заметки, I; Robin 1996; Коротаев 1997. Труд профессионального египтолога А. Китчена представляет собой пространную компиляцию, свод накопленного сабеистами материала, который далеко не всегда отобран критически. Написанные преимущественно Г. М. Бауэром и А. Г. Лундиным «Красноморские заметки» к моменту публикации сильно устарели (см.: Frantsouzoff 1997а). Монография А. В. Коротаева, несмотря на заглавие, в основном посвящена довольно ограниченному кругу проблем социальной организации сабейского общества в I—III вв. н. э. Этот же период с точки зрения его военно-политической истории был детально рассмотрен ранее Мухаммадом 'Абд ал-Қадиром Ба Фақйхом. Наиболее полные обзоры южноаравийской истории, в которых учтены и творчески интерпретированы результаты последних открытий, составлены Кр. Ж. Робеном (ReMMM, 61; Robin 1996).

³ За исключением работ А. В. Коротаева слабым остается и теоретическое осмысление извлекаемой из надписей информации. Так, единственной удачной попыткой дать всесторонний анализ государственного строя Саба' древнего периода, широко привлекая для сравнения материал по другим древневосточным обществам, следует признать монографию А. Г. Лундина, в основу которой легла его докторская диссертация (Лундин 1971).

нательно и в короткий срок осуществленной правителями Химйара. Есть все основания полагать, что подобные перемены, происходившие ранее в других сферах жизни этого общества, например в системе управления или в порядке престолонаследия, также были связаны с деятельностью неизвестных нам реформаторов. Из-за неполноты исторического материала о характере и ходе этих преобразований приходится судить по их результатам, которые нашли отражение в эпиграфических памятниках.

Истоки ранней государственности и проблема негосударственного пути развития в древней Южной Аравии

Как и большинство древневосточных обществ, цивилизация, сложившаяся на рубеже II—I тыс. до н. э. на юге Аравии, была обязана своим существованием искусственному орошению. К этому времени постоянно текущих рек на Аравийском полуострове не осталось: лишь в сезоны муссонных дождей, преимущественно весной и летом, по их сухим руслам проносились селевые потоки, впадавшие в океан или терявшиеся в пустыне. Оказавшиеся на границе с обширной безжизненной пустыней Сайхад¹ племена создателей южноаравийской цивилизации научились собирать и сохранять переносимую во время паводков влагу, используя сложную систему запруд, плотин, каналов и других водоотводных и водосборных сооружений. Центры крупнейших государств древнего Йемена располагались на «впадавших» в Сайхад долинах высохших рек²: вади Азана (ныне — Зана), перегороженное самой крупной в Южной Аравии плотинной дамбой, давало жизнь Марибу³, столице Саба', и обширному оазису вокруг него, вади Байхән — Тимна', столице Қатаба́на, вади 'Ирма́ — Шабве, столице Хадрамаута, вади Марха — важнейшим городам Аусана, включая резиденцию местных правителей, дворец Мисвар.

Однако хотя паводковое орошение и являлось необходимым условием появления на краю пустыни крупных земледельческих поселений, решающим фактором, способствовавшим переходу народов Южной Аравии к цивилизации и ее последующему расцвету, стала международная транзитная торговля благовониями и пряностями. По сухопутным торговым трассам, пересекавшим Аравийский полуостров с юга на север, эти товары, часть которых производилась в самой Юж-

¹ Так эта пустыня именовалась в средневековой арабской географии, ныне ее называют Рамлат ас-Саб'атайн.

² По этой причине А. Ф. Л. Бистон предложил называть южноаравийскую цивилизацию на начальном этапе своего развития (в I тыс. до н. э.) «сайхадской» (Şayhadic).

³ В эпиграфических источниках этот топоним известен как *MRYB* или *MRB*, в средневековой арабской традиции он упоминается как Ма'риб или, позднее, Мәриб (Robin 1996. Кол. 1106). В данной работе решено было условно обозначить его как Мариб (без долгот), исходя из возможного чтения сабейского *scriptio defectiva*.

ной Аравии, а часть ввозилась из Индии и с восточноафриканского побережья, доставлялись в порты Восточного Средиземноморья, главным образом в Газу, а также в Египет и Месопотамию. Генезис древнейшей государственности шел, по-видимому, лишь в тех местах, где были сосредоточены важные перевалочные пункты на путях международной торговли. В то же самое время культурное влияние складывавшихся там государственных образований распространялось далеко за пределы территории, находившейся под их непосредственным политическим контролем. За счет этого некоторые раннеклассовые общества, расположенные на периферии южноаравийской цивилизации, заимствовали у нее алфавитную письменность, развитый религиозный культ, ряд элементов сложной социальной структуры, оставаясь на догосударственной стадии общественного развития.

Благодаря раскопкам, осуществленным Советско-йеменской комплексной экспедицией (СОЙКЭ) в 1983–1991 гг. на городище Райбун в западной части современной провинции Хадрамаут, в распоряжении исследователей оказался уникальный материал — более 2700 надписей, происходящих из этого крупного храмового комплекса I тыс. до н. э.¹, правда, в основном фрагментарных. В результате их тщательного анализа не было обнаружено никаких данных, прямо или косвенно свидетельствующих о подчинении древнего Райбуна правителям Хадрамаута², в частности о присутствии там должностных лиц, представлявших центральную власть Хадрамаутского государства. Отсутствие в райбунских текстах упоминаний родовых имен показывает, что в данном обществе не сложилась наследственная родовая знать³.

¹ Из числа входивших в его состав храмов раскопаны четыре:

- Хадран, где поклонялись богине 'Астарум / 'Астарум (Райбун I, зд. 1);
- два святилища богини Зат Химйам, Рахбан (Райбун I, зд. 2–4) и Кафас / На'ман (Райбун V);
- Майфа'ан, храм бога Сйна (Райбун XIV).

Краткое описание археологических объектов, образующих райбунский комплекс, дано см.: Седов 1996. Об интерпретации найденных там надписей см.: Бауэр 1995; Французов 1998; Frantsouzoff 1995; Frantsouzoff 1997b; Frantsouzoff 2001; Frantsouzoff [в печати] а; Frantsouzoff [в печати] б.

² Следует отметить, что в южноаравийских надписях Внутренний Хадрамаут, включающий в себя территорию долины Хадрамаут и вместе с прилегающими к ней прибрежными районами составляющий ныне провинцию Хадрамаут Йеменской Республики, не обозначался топонимами *HDRMT* или *HDRMWT*. Сабейцы и химйариты обычно именовали его Сарйран (*S'RR-n*), т. е. «Долина». Географическое название вади Хадрамаут входит в употребление лишь в мусульманскую эпоху.

Под Хадрамаутом в древности понимали Хадрамаутское государство, охватывавшее в I тыс. до н. э. Шабву, ее окрестности и несколько долин, по которым проходили оживленные торговые пути, соединявшие столицу с берегом Индийского океана, прежде всего вади Майфа'. В любом случае границы этого государства в тот период проходили западнее нынешнего городища Би'р Хамад и вади 'Амд.

³ В то же время представители некоторых профессий, например высекавшие надписи каменотесы, пользовались значительным социальным престижем (см. Frantsouzoff [в печати] а).

При этом социальная структура древнего Райбўна отнюдь не была примитивной. Так, в тексте СОЙКЭ 2075/6—8 сообщается о *'b'lyNDD/w-MTR-hn*, *hwr/QDT-hn* и *bkl-s'm*¹. Значение термина *'b'l* (в буквальном переводе «хозяева»), который представлен также в сабейском (Beeston et al. 1982. С. 25) и қатабанском языках (Ricks 1989. С. 31), можно считать твердо установленным: «полноправные члены большесемейной общины (*byt*) или территориальной общины»². Центром такой территориальной общины, как правило, являлось крупное поселение, именовавшееся *hgr* и рассматриваемое как город. Поэтому, опираясь на выражения типа *'b'lyhgr-n*, семантику термина *'b'l* нередко несколько суживали и переводили его как «горожане, члены городской общины» (см., например: Lundin 1973. С. 28; Beeston et al. 1982. С. 25). Однако ни одно из открытых на Райбўне земледельческих поселений городом, конечно, не было. Термин *hwr*, означающий «поселенцы, переселенцы, иммигранты», представлен во всех эпиграфических языках Южной Аравии (Beeston et al. 1982. С. 73; Arbach 1993, I. С. 50; Ricks 1989. С. 62), в том числе в хадрамаутском (Khog Rogi 1/2, 3/2). Очевидно, как и в случае с *hwr/(hgr-hn)/S²BWT* «переселенцами из [города] Шабвы», упоминаемыми в двух текстах из Хор Рори, под *hwr/QDT-hn* имелась в виду группа иммигрантов, покинувших древнюю ал-Қузу и обосновавшихся в Райбўне³. В выражении *bkl-s'm* местоименный суффикс *-s'm* явно относится к *hwr/QDT-hn*. Таким образом, речь здесь идет о *bkl* переселенцев из Қузатхана. Значение этого термина, ранее засвидетельствованного во всех южноаравийских эпиграфических языках, кроме хадрамаутского, до конца так и не выяснено: остается непонятным, чем же *bkl* отличались от *hwr*, так как оба эти несомненно различных термина предлагается переводить почти теми же самыми словами (ср.: Beeston et al. 1982. С. 28 и 73). Можно предположить, что исконным значением термина *bkl* было «поселенцы, порвавшие со своей общиной и обосновавшиеся на новом месте». В отличие от *hwr*, которые, как это видно из Khog Rogi 1, 3, подобно основателям древнегреческих колоний, являлись компактной группой переселенцев, отделившихся от своей родной общины-метрополии, но сохранявших между собой прежние социальные связи, *bkl*, по всей вероятности, были иммигрантами, происходившими из разных общин, и отчасти напоминали метеков Древней Греции. Неслучайно, *bkl* в контексте СОЙКЭ 2075 выступают не как самостоя-

¹ Топонимы Йандад и Мағархāн представляют собой названия двух поселений, которые находились на территории райбўнского сакрально-земледельческого комплекса. Их точная локализация затруднена.

Арабский топоним *القرية* является полным эквивалентом хадрамаутского *QDT-hn*, если учесть, что в хадрамаутском [z] передавался через знак *d*, а *-hn* являлся определенным артиклем. На месте ал-Қузы люди селились еще в палеолите. О существовании там древнего поселения свидетельствует обнаруженный членами СОЙКЭ в ущелье ал-Қузы камень с фрагментами плохо сохранившихся надписей.

² Соответствующие контексты приведены: Avanzini 1977—1980, II. С. 130—131.

³ От Райбўна ал-Қузу отделяют по прямой 11 км, а если следовать по вадии, то 13—14 км (см.: Родионов 1994, карта-схема 2).

тельная группа населения, а как *bkl* переселенцев из Кузатхана, под покровительством которых они, очевидно, находились.

При отсутствии органов государственной власти отношения между людьми в райбунском обществе всецело регулировались традициями, основным хранителем которых являлось жречество. Среди жрецов было немало женщин. Да и в целом положение райбунских женщин, значительно чаще, чем в других районах Южной Аравии посвящавших от своего имени надписи в храмы, было весьма высоким. Жрицы-женщины, очевидно, выступали в роли арбитров в семейных спорах, которые при определенных обстоятельствах рассматривались как религиозные проступки¹.

Интересно, что ни на Райбуне, ни на любом другом городище Внутреннего Хадрамаута I тыс. до н. э. нет никаких следов крепостных стен². Вывод очевиден: тот тип общества, который существовал в этом регионе в эпоху древности вплоть до начала нашей эры, не знал войн, по крайней мере войн регулярных, которые являются неотъемлемым атрибутом внешней политики ранних государств. Таким образом, на примере Райбуна мы видим альтернативу государственности, такой путь развития, который вел к возникновению высокоразвитой культуры, но не был сопряжен с формированием обособленных от общества властных структур. Однако существовать такой социум мог, лишь находясь в относительной изоляции от окружающих его государств, поскольку, не имея опыта ведения боевых действий, он был обречен на гибель при первом серьезном столкновении с ними. По-видимому, сохранению Райбуна в течение по крайней мере семи-восьми веков на восточных рубежах Хадрамаутского царства в немалой степени способствовал его сакральный статус при общности религиозных верований обитателей Внутреннего Хадрамаута и областей, непосредственно подчинявшихся хадрамаутским правителям. Вступление же Южной Аравии в так называемый средний период своей истории³, отличавшийся постоянными ожесточенными войнами, означало неизбежный и скорый конец для райбунского общества с его самобытной социальной структурой. В ходе военного конфликта Хадрамаута с Катабаном на рубеже нашей эры⁴ храмы и поселения Райбуна были разрушены и больше не возродились⁵.

¹ См. подробнее: Frantsouzoff 1997b.

² Грязневич 1996. С. 9–10.

³ В этой работе мы принимает периодизацию истории Южной Аравии, разработанную в окончательном виде А. В. Коротаевым. В соответствии с ней были выделены три основных периода: древний (приблизительно I тыс. до н. э.), средний (I—IV вв. н. э.) и поздний, или «монотеистический» (конец IV—VI в. н. э.) (см., например: Коротаев 1997. С. 6).

⁴ Очевидно, эта война (или серия военных конфликтов) упоминается в RES 4932, *Ḥuwaydar A* и *Raybūn b*.

⁵ Подробнее об обществе древнего Райбуна см.: Французов 1998; Французов 2000b; Frantsouzoff [в печати] с.

Хотя проведение реформ принято рассматривать как прерогативу государственной власти, древний Райбун и другие поселения Внутреннего Хадрамаута, в частности Мазабум¹, дают нам редкий пример того, как реформа письменности и, по всей видимости, религиозного культа была осуществлена в довольно короткий срок (в течение максимум нескольких десятилетий) в догосударственном обществе. Речь идет о резком изменении дуктуса хадрамаутских моментальных надписей и их орфографии в III в. до н. э. Из эпиграфики полностью исключили букву ḡ (ḡ) и заменили ее знаком ḫ (s^3), в том числе и в имени местной архаичной богини: вместо 'Астарум стали повсеместно писать 'Астарум². Причина этого восходит в конечном счете к особенности фонологии хадрамаутского эпиграфического языка, в котором на довольно ранней стадии развития исчезли интердентальные³. Однако следует подчеркнуть, что в Шабве и на других землях, подчиненных Хадрамаутскому государству, орфография ни в этот период, ни позже подобному преобразованию не подверглась. Напрашивается предположение, что за данной реформой стояло могущественное жречество Райбуна и других сакральных центров Внутреннего Хадрамаута⁴, стремившееся сознательно противопоставить свой религиозный авторитет власти правителей Шабвы⁵. Косвенным свидетельством этого служит изменение написания имени божества, которое не могло быть осуществлено без санкции служителей культа. Тем не менее вопрос об инициаторах реформы и о тех мотивах, какими они руководствовались, не может быть окончательно решен на базе имеющихся источников. Следует лишь констатировать, что перед нами уникальный случай реформы письменности в потестарном обществе⁶.

¹ Городище Хурайда. Анализ эпиграфических материалов, происходящих с этого городища, и их сравнение с райбунскими был сделан по: Caton Thompson 1944.

² Подробнее об этом см.: Бауэр 1995. С. 125. Табл. 1; С. 126. Табл. 2; С. 143–144. Табл. 3; Frantsouzoff [в печати] b, раздел II:1.

Уточненная датировка этих изменений III в. до н. э. основывается на неопубликованных результатах радиоуглеродного анализа, за информацию о которых автор выражает глубокую признательность начальнику Российской археологической экспедиции в Йемене А. В. Седову.

³ Ср.: Beeston 1962, § 8:7; Beeston 1984, § H 2:2.

⁴ Возможно, те поселения и храмовые комплексы, где прошла реформа письменности, были объединены в некое подобие античной амфикионии.

⁵ Неслучайно Г. М. Бауэр ведет от реформы письменности отсчет новой эпохи в истории Внутреннего Хадрамаута — так называемого «хадрамаутского возрождения» (Бауэр 1995. С. 143).

⁶ Как правило, реформа орфографии проводится государственной властью в периоды коренной ломки социально-политической структуры общества. Хорошее подтверждение этому дает история России, где в новое время такая реформа проводилась дважды: переход на гражданский алфавит произошел при Петре I, новую орфографию ввела и Советская власть.

В Древнем мире в качестве подобного примера можно привести переход от консонантного алфавита к силлабарии, последовавший за провозглашением христианства в Эфиопии государственной религией во 2-й половине IV в. н. э. (подробнее см. в заключительном разделе очерка).

Иная альтернатива государственности была обнаружена А. В. Коротаяевым при изучении так называемого среднего периода южноаравийской истории. Речь идет о сильных вождествах, существовавших во II—III вв. н. э. на территории североеменского нагорья и составлявших структурную периферию сабейского культурно-политического ареала, в структурном центре которого располагалось слабое, «неразвитое» государство¹. Подобная ситуация отчасти отражает одну из характерных особенностей цивилизаций эпохи древности, теснейшим образом связанных со своей догосударственной и даже доклассовой периферией. Строго говоря, древний мир представлял собой сложную систему, различные элементы которой находились одновременно на разных стадиях общественного развития: от первобытнообщинной фазы до фазы имперской древности². Что же касается среднесабейских вождеств, то во 2-й половине I тыс. н. э. под действием целого ряда социальных и экологических факторов они претерпели серьезную трансформацию, превратившись в племена, причем это изменение нельзя ни в коем случае рассматривать как регресс³.

Ранние государства в Южной Аравии и Эфиопии. Мукаррибы и малики

Ни в южноаравийской эпиграфике, ни в сочинениях античных авторов не сохранилось даже легендарных сведений об основателях Сабба' или другого древнееменского государства. Самые ранние эпиграфические памятники, содержащие упоминания местных правителей, восходят к VIII в. до н. э.⁴ и свидетельствуют о вполне сложившихся к этому времени властных структурах. Между тем одна из формул, сохранившаяся в надписях мукаррибов, так называемая «формула фе-

¹ Подробнее об этом см.: Коротаяев 1997. С. 110–138.

² Имеются в виду фазы со II по IV, согласно концепции всемирноисторического развития, предложенной И. М. Дьяконовым (см. Дьяконов 1994).

³ По мнению А. В. Коротаяева, в раннеисламский период североеменский политический организм превратился в систему, состоящую из несколько более сильного государства в центре и собственно племен (но не вождеств) на периферии (Коротаяев 1996; Коротаяев 1997. С. 138–146).

⁴ Вопреки мнению И. Ш. Шифмана (Шифман 1995. С. 253–257), упоминаемая в Библии царица Савская, посетившая якобы в середине X в. до н. э. израильского царя Соломона (3 Цар., 10: 1–10, 13; 2 Хрон., 9: 1–9, 12), является легендарным персонажем и не имеет отношения к реальной истории Южной Аравии (см., например: Friend 1996. Кол. 1045–1046). Совершенно недостоверным следует признать и средневековое эфиопское династическое предание об основателе древней эфиопской монархии Менелике I, сыне Соломона и царицы Савской, в местной традиции известной под именем Македа.

Что же касается мусульманского предания о «химйаритских древностях», именуемого обычно «кахтанидским», то древний период южноаравийской истории не нашел в нем никакого отражения, а возникновение Химйаритского царства связывается с деятельностью мифических прародителей так называемых «южноарабских» племен.

дерации», имеет, по-видимому, непосредственное отношение к возникновению Сабейского государства древнего периода:

ywm/hwst/kl/gw-m/d-'l-m/w-s²ym-m/w-d/hbl-m/w-hmr-m — «в день, когда он (т. е. мукарриб. — С. Ф.) установил [статут] всем племенам бога и господ¹, и договора и соглашения».

Исчерпывающая интерпретация этой формулы, принадлежащая А. Г. Лундину², на наш взгляд, отнюдь не устарела, несмотря на попытки пересмотреть значения употребленных в ней терминов и ее общий смысл³. Так, понимание ключевого слова *gw-m* как имени собирательного со значением «племена» подтверждается сходным контекстом двух ма'инских надписей М 85 = RES 2831/2 и Shaqab 8/2—3: *kl/'l'lt/'s²'b-m/d-'l-m/w-s²ym-m/w-hbl-m/w-hmr-m* — «все божества племен (общин)⁴ бога и господ, и договора и соглашения». Форма мн. ч. *'s²'b-m* служит в ней полным эквивалентом *gw-m*⁵. А. Г. Лундин оказался также совершенно прав в том, что различные случаи использования этой датировочной формулы не могут быть сведены к событию, имевшему место один или два раза на протяжении всей сабейской истории, подобно синойкизму в древних Афинах⁶. В свете новых данных ее употребление связывается с именами трех или, может быть, четырех мукаррибов⁷, причем каждый из них прибегал к ней за время своего правления не единожды. Поэтому напрашивается предположение, что акт слияния племенных союзов, положивший начало Сабейскому государству, периодически (возможно, даже ежегодно) отмечался как сакральный праздник в соответствии с общепринятой в древних обществах этого периода концепцией циклического времени, и мукаррибу отводилась на нем главенствующая роль. Для людей той эпохи такая периодически повторяющаяся религиозно-политическая церемония была тождественна возрождению и обновлению государства, гарантируя его незыблемость и мощь.

Государственный строй Саба' древнего периода было бы совершенно неправильно рассматривать как монархический, поскольку власть

¹ Перевод этих двух терминов — условный. В древней Южной Аравии одни племена называли своих божеств *'l*, другие — *s²ym*.

² Лундин 1971. С. 163 и табл. 30; 164—166, 250. Обнаруженные за последнее время новые надписи с этой формулой (см. о них: Robin 1996. Кол. 1180—1181) не содержат данных, которые противоречили бы выводам этого выдающегося сабейста.

³ См.: Garbini 1975; Robin 1996. Кол. 1095—1097, 1180—1181. Интересно, что авторы «Сабейского словаря» дают терминам, входящим в эту формулу, практически то же толкование, что и А. Г. Лундин (ср.: Beeston et al. 1982. С. 51, 65, 68, 164—165).

⁴ Исчерпывающая характеристика различных по величине этнокультурных и территориальных общностей, обозначаемых словом *s²'b* (так называемых *ша'бов* первого, второго и третьего порядков), дана: Коротаев 1997. С. 110—113.

⁵ Поэтому представляется неточным переводить *gw-m* как «союз (union)» (Robin 1996. Кол. 1095—1096, 1180).

⁶ Лундин 1971. С. 165.

⁷ Ср.: Лундин 1971. С. 165—166 и Robin 1996. Кол. 1180.

сабейских правителей не передавалась по наследству¹ и существенная роль в управлении принадлежала традиционным общинным и племенным органам власти, прежде всего совету старейшин (*ms³wd*)². Очевидно, подобная ситуация была характерна и для других ранних южноаравийских государств, прежде всего для Катаба́на середины I тыс. до н. э., где *ms³wd*, судя по частым упоминаниям его в эпиграфике, также обладал заметным влиянием. Что же касается верховных правителей этих государств, то до сих пор дискуссионным остается вопрос о соотношении функций и полномочий мукаррибов и маликов³. На наш взгляд, вывод, к которому А. Г. Лундин пришел на примере Саба́, является лучше всего аргументированным и частично подтверждается данными по другим государствам региона⁴, прежде всего по Хадрамауту:

...И мукаррибы, и цари первоначально были племенными вождями, главами сабейского союза племен, но с разными функциями. В функции мукарриба входила исполнительная власть, т. е. обеспечение благополучия общины как рациональными, так и иррациональными средствами; отсюда сакральная и строительная функция как основные виды деятельности. В функции царя входила законодательная власть, включавшая и предводительство ополчением, т. е. военную функцию. Естественно, что должность мукарриба, требовавшая повседневного исполнения функций, была постоянной, а должность царя, исполнявшаяся в экстраординарных случаях, — временной, и замещалась она не всегда, а лишь в случаях необходимости⁵.

Правда, определение власти мукарриба как «исполнительной», а малика как «законодательной» вряд ли можно признать удачным: ведь в древности, да и в средние века разделения властей в таком смысле не существовало. Кроме того, сравнение мукарриба с шумерским *энси* (Лундин 1971. С. 199) справедливо лишь отчасти, поскольку *энси* был главой города, градоначальником с сакральными функциями, тогда как мукарриб возглавлял обширную федерацию, на территории которой находились десятки крупных поселений городского типа.

В последнее время Кр. Ж. Робен выдвинул гипотезу, согласно которой титул мукарриба был выше, чем титул малика, и означал, что

¹ Несколько иной была ситуация в древней Эфиопии, о чем см. ниже.

² Анализ состава и функций древнесабейского совета старейшин, выполненный А. Г. Лундиным (Лундин 1971. С. 204–216), не нуждается в сколько-нибудь серьезных коррективах.

³ Историю этого вопроса на начальном этапе развития сабеистики подробнее см.: Бауэр 1964. Термин *mlk* прежде принято было переводить как «царь».

⁴ Первоначально оба этих титула были широко засвидетельствованы только в Саба́ и Катаба́не, а в древнем Хадрамауте удалось обнаружить упоминание лишь одного мукарриба (RES 2687). К настоящему времени список хадрамаутских мукаррибов заметно увеличился, и, кроме того, впервые была найдена надпись, составленная мукаррибом Ау́сана (ас-Саққаф 1).

⁵ Лундин 1971. С. 200.

его обладатель господствует над всей Южной Аравией или, по крайней мере, претендует на такое господство, а потому в одно и то же время в этом регионе мог быть только один мукарриб¹. Однако она наталкивается на целый ряд серьезных возражений. Во-первых, в Древнем мире любой титул, обладание которым считалось особо престижным и связывалось с господством над определенной территорией, всегда был «конкретным», т. е. включал в себя упоминание определенного города или области, например, «царь Киша» или «царь Шумера и Аккада» в древнейшей Месопотамии. Было бы понятно, если бы в Южной Аравии аналогичную роль стал выполнять титул «мукарриб Саба'», но этого-то как раз и не наблюдается. Трудно предположить, что правитель, провозгласив себя «мукаррибом Ҳадрамаута», вкладывал в эту титулатуру притязание на гегемонию над остальными древнейшими государствами, поскольку Ҳадрамаут не только никогда реально не владел всей Южной Аравией, но, судя по надписям, не мог и поставить перед собой такой задачи, будучи в военном отношении весьма слабым образованием. И уж совсем невероятно, чтобы правители сабейской колонии², существовавшей с IX—VIII по VI вв. до н. э. в северной части Эфиопского нагорья³, именовавшие себя *mkrb/D'MT/w-S'B'* (RIE 5/1, 8/1—2, 10/4—5)⁴, претендовали в ту эпоху на власть над лежащими на другом берегу Красного моря южноаравийскими землями, сохраняя при этом постоянные контакты с метрополией⁵.

Во-вторых, данные эпиграфики при ближайшем рассмотрении не подтверждают умозрительное представление о том, что мукарриб на всю Южную Аравию в данный отрезок времени мог быть только один. Так, мукарриб Ҳадрамаута Йада'аб Ғайлән, сын Сумхурийама (VII—начало VI в. до н. э.)⁶, судя по палеографии единственной его надписи, явно был современником мукаррибов Саба'. Другой Ҳадрамаутский мукарриб, Сумхурәм 'Алхән (конец V—начало IV в. до н. э.)⁷, находился у власти в одно время с правителями Қатаба́на, пышная титулатура которых обычно включала в себя и титул мукарриба. Нет сомнений, что вновь открытые надписи умножат число подобных примеров, поскольку список Ҳадрамаутских мукаррибов и маликов изобилует лакунами.

¹ Robin 1994. С. 106; Robin 1996. Кол. 1150—1151.

² Речь идет о колонии в античном смысле слова, которая, как правило, была независима от метрополии.

³ О датировке периода существования этой колонии в соответствии с долгой хронологией см.: Французов 1995; Robin 1996. Кол. 1123—1124.

⁴ Саба' в этом титуле явно используется не как топоним, а как этноним и обозначает сабейцев, постоянно обитавших на территории данной колонии. Известен, впрочем, и более краткий титул — «мукарриб Да'мат» (RIE 9/1—2, где реконструкция *m[krb]/D'MT* представляется весьма надежной).

⁵ Так, в ряде эфиосабейских надписей упоминаются выходцы из Мариба (RIE 26, 27, 30, 39) и Ҳадақана, сабейского поселения на североеменском нагорье (RIE 55, 56).

⁶ См. о нем: Бауэр 1995. С. 140, рис. 23а—в; Robin 1996. Кол. 1150.

⁷ Известен по единственной надписи 'Uqayba 5.

В-третьих, чередование мукаррибов и маликов в этом списке пока не удается увязать с периодами возвышения и ослабления Хадрамаутского государства. И, наконец, малик Ил'азз Йалут, при котором был основан Сум(х)урām ($S^1M(H)RM$), колония хадрамаутцев на побережье Дофара¹, возможно, занимал свой пост в то же самое время, когда Йашхур'ил Йухар'иш, упоминаемый в одной фрагментарной надписи из этой колонии, исполнял функции мукарриба². Такая ситуация хорошо соответствует выводу А. Г. Лундина о разделении полномочий между двумя этими магистратами. Другой вывод исследователя, согласно которому мукарриб мог временно возлагать на себя функции малика, находит подтверждение в надписи Ja 892 A, происходящей из хадрамаутской колонии в Дофаре Са'нана ($S^1'NN$). В ней сообщается об отправке группы людей, очевидно, посвященных главному богу хадрамаутского пантеона Сйну, из его храма в Са'нана в его храм Алим в Шабве от имени «малика Сумхурāма, мукарриба Хадрамаута» ($mlk/S^1MHRM/mkrb/HDRMT$), к сожалению, не названного по имени. Наличие в Сумхурāме хадрамаутского регулярного войска ($gys^2/HDRMT$)³ наводит на мысль о том, что в обязанности местного малика входило, прежде всего, командование всем этим войском.

Поскольку и малик, и мукарриб являлись только магистратами, а не монархами, их власть, как уже отмечалось выше, не передавалась по наследству. Основываясь на сохранившемся у Страбона (XVI, 4, 3 /С. 768/) свидетельстве Эратосфена Киренского (ок. 285-280 — 194 до н. э.) и на толковании одного из титулов қатабāнских правителей ($bkr/'NBY/w-HWK-m$ — «первороденный [божеств] Анбая и Хаукум»), широко привлекая этнографические параллели, А. Г. Лундин показал, что в Қатабāне, а возможно, и в некоторых других ранних южноаравийских государствах преемником правителя считался представитель одного из знатных родов, первым появившийся на свет после вступления очередного правителя в должность⁴.

Однако, судя по эфиосабейской надписи RIE 1, существовал и иной порядок замещения поста малика — по воле божеств, очевидно находившей свое выражение в оракуле⁵. Вероятно, подобным образом за-

¹ Упоминания об этом правителе см.: Khor Rori 1/1—2; 2/2—3.

² Впрочем, восстановление $YS^2(H)[R]'L$, предложенное Кр. Ж. Робеном для имени этого мукарриба в Ja 2883/6 (Robin 1994), представляется отнюдь не бесспорным. Вполне вероятно, что А. Жамм, знакомый с текстом Ja 2883 *de visu*, разглядел в этой строке больше, чем можно увидеть на фотографии, и потому приведенное у него чтение Йашрух'ил ($YS^2RH'L$) является вполне надежным.

³ Khor Rori 1/6, 2/7.

⁴ Лундин 1977; Lundin 1981; ср.: Robin 1996. Кол. 1153—1154.

⁵ Именно так нужно понимать выражение $ywm/hmlk-hmw^1S^1TR/w-HBS/w-'LMQH/w-DT-HMYM/w-DT-B^1DN/w-'bk/WD-m$ — «когда поставили их маликами 'Астар и Хубас и Алмақах и Зāt Химйам и Зāt Ба'дāн и подлинно отец Ваддум» (RIE 1/4—7). Местоименный суффикс $-hmw$ («их») относится здесь к автору надписи, малику Ва'рāну Хайвату, и ко всему его роду $bn/S^1LM-m/FTRN$ (но, конечно, не к его жене, также упоминаемой в этом тексте). Дело в том, что в отличие от Южной Аравии, где родовая принадлежность маликов и мукаррибов никогда не указы-

мещались и другие магистратуры в древней Саба'. Так, автор Ја 555, выполнявший обязанности қайна при пяти сабейских правителях, стал также қайном Мариба. Назначил же его на эту должность сам бог Алмақах (*t'bh-hw/qyn/MRYB* — Ја 555/3), а не кто-то из этих правителей.

История сабейской колонии в Эфиопии наглядно свидетельствует о том, что процесс становления ранней государственности был, в принципе, обратимым. Частичное изменение торговых путей в связи с широкой военной экспансией в Южной Аравии в начале VII в. до н. э. сабейского мукарриба и малика Кариб'ила Ватара, сына Замар'алая, открывшее для Саба' обширные плантации ладана и других благовонных растений на землях, располагавшихся к востоку от Хадрамаута, сделало ненужными довольно длительные и опасные путешествия на побережье Сомали, перевалочным пунктом на пути к которому и служила «область Да'мат» в Северной Эфиопии. Лишившись регулярных контактов с сабейцами, местное население вернулось на догосударственную стадию развития, впрочем, сохранив, хотя и в измененном виде, южноаравийскую систему письма и политеистическую религию. Сложение новой, аксумской, государственности произошло в этом регионе только на рубеже нашей эры под сильным эллинистическим влиянием благодаря расцвету международной морской торговли в бассейне Индийского океана¹.

Трансформация магистратуры малика в царскую власть

Превращение власти племенных вождей и высших общинных магистратов в царскую власть — процесс, общий для всего Древнего Востока. Его ход хорошо прослеживается на ассирийских и древнехеттских материалах². Обычным его проявлением были конфликты между традиционными общинными органами, советом старейшин или народным собранием, и общинным лидером, который начинает сосредотачивать в своих руках не свойственный ему прежде объем полномочий. Однако в древней Южной Аравии такого рода конфликты до последнего времени не были засвидетельствованы. Новый перевод, предложенный для давно опубликованного текста RES 3566 А. В. Коротаевым³, показывает, что речь в нем идет как раз о подобном столкновении приблизительно в конце I в. до н. э. между маликом Қатаба́на Шахром Йагүлем Йухаргибом, с одной стороны, и частью совета ста-

валась, ибо они стояли как бы над родами (см.: Коротаев 1997. С. 117—118), у правителей сабейской колонии в Эфиопии можно выделить по крайней мере два рода (один уже упомянутый и другой, нисба от которого записывалась как *YG'DYN*; ср. RIE 1 и 9, 7; RIE 5 и 8).

¹ Подробнее об этом см.: Французов 1995.

² Дьяконов и др. 1989. Кн. 1. С. 204—205, 223.

³ Korotayev 1997.

рейшин (*ms³wd*) и народного собрания (*tbn-n*)¹ столичной общины қатабан и поддержавшим их населением окрестных земель — с другой. Выступившие сообща против малика қатабанцы дважды собирались в храмах главного қатабанского бога 'Амма в Тимна', принимали там решения и издавали указы без санкции своего повелителя. К сожалению, о содержании этих указов говорится довольно глухо; по-видимому, они затрагивали материальные интересы как қатабанцев, так и малика и заключались в применении каких-то штрафных санкций и наказаний². Вызывает некоторое удивление данная А. В. Коротаевым характеристика этих событий как попытки создать «очень влиятельный законодательный орган, который смог бы принимать все законы самостоятельно без всякой санкции царя, преобразовать Қатабанское царство в своего рода конституционную монархию с царем, превратившимся в чисто ритуальную фигуру без всякой реальной политической власти»³. То, что нам известно об общих тенденциях эволюции царской власти на Древнем Востоке и в самой Южной Аравии, не позволяет, на наш взгляд, сделать столь однозначный вывод. Да и само употребление термина «конституционная монархия» применительно к эпохе древности представляется крайне неудачным.

Предыстория этого конфликта заключалась, скорее всего, в том, что малик не желал санкционировать некоторые мероприятия, осуществление которых считалось обязательным в соответствии с многовековой традицией. Ее ревнителями выступили общинные органы власти, но не в полном составе. Тогда Шахру Йагүлу Йухархибу удалось привлечь на свою сторону часть совета старейшин и ряд влиятельных категорий (сословий?) қатабанцев и восстановить контроль над ситуацией, отменив те решения, которые общинные органы приняли без его согласия. Необычно пространный список из 52 свидетелей, завершающий надпись (RES 3566/24—35), свидетельствует о том, насколько малик чувствовал себя в этой ситуации неуверенно и стремился подтвердить законность своих действий.

Интересно, что традиционный порядок престолонаследия к этому времени уже не соблюдался, и Шахр, по-видимому, стал маликом непосредственно после своего отца Хауф'амма Йухан'има⁴. Вряд ли правомерно рассматривать Шахра и его отца как общинных магистратов; очевидно, что перед нами — цари, наследственные монархи, хотя,

¹ Восходящее еще к Н. Родоканакису (см. RES) и принятое А. В. Коротаевым (Korotayev 1997. С. 143) толкование *tbn-n* как «землевладельцы» недостаточно обосновано. Этимологическая параллель с арабским *طبن* «большое скопище или коллектив людей» (Lane 1863—1893, 5. С. 1829), «масса, толпа, большое число [людей]» (Biberstein Kazimirski 1860. С. 58) заставляет перевести этот термин, скорее, как «народное собрание». Тогда выражение *s²'b-n/tbn-n* в RES 3566/4, 6 следует понимать как «община, выступающая в качестве народного собрания».

² Korotayev 1997. С. 144, 153—154, примеч. 11 (со ссылкой на RES 3566/11—13, 19—21).

³ Там же. С. 145—146.

⁴ Там же. С. 145.

конечно, не деспоты (в древневосточном смысле этого термина). Именно в государствах, отделившихся в конце I тыс. до н. э. от Қатаба́на, к власти впервые в южноаравийской истории приходят настоящие царские династии. Такими были первая известная нам ҳимйаритская династия («династия Замар'алая Ватара Йухан'има»), объединившая в I в. н. э. под своей властью Химйар и Саба¹, а также правившая приблизительно в I в. до н. э. — начале I в. н. э. династия царей Аусана². На ней стоит остановиться подробнее, расположив ее представителей в виде таблицы.

Родословие царей Аусана³

Ма'д'ил
(CIAS 49.10/s4/F 58 n° 1)

↓

Йақдуқ'ил Фари'ум
(CIAS 49.10/s4/F 58 n° 1)

↓

Ма'д'ил Салхән
(CIAS 49.10/s4/F 58 n° 2, 3; CIAS 49.12/f1 n° 1 (?))

↓

Йақдуқ'ил Фари'ум Шарах'ат
(CIAS 96.51/o1/R 71; CIAS 49.10/o1 n° 1-4; CIAS 49.10/p2 n° 1; CIAS 49.10/s4/F 58 n° 3)

Дело в том, что один из представителей этой династии, Йақдуқ'ил Фари'ум Шарах'ат, был при жизни обожествлен. Лишь в одной надписи он назван сыном конкретного царя (CIAS 49.10/s4/F 58 n° 3), во всех остальных он именуется сыном бога Вадда (*WD-m*). Ему посвящали

¹ Ранее ее рассматривали как «традиционную сабейскую династию» (Bāfaqīh 1990. С. 327—334), но сейчас ее ҳимйаритское происхождение можно считать доказанным (Kogotayev 1994; Robin 1996. Кол. 1133—1134).

² История Аусана известна нам очень плохо. Выше уже отмечалось, что это раннее южноаравийское государство имело в древности своего мукарриба. После разгрома, которому его подверг в начале VII в. до н. э. сабейский правитель Кариб'ил Ватар, сын Замар'алая, Аусан, вероятно, утратил независимость и вошел в состав қатабанских владений. Обретение им самостоятельности в конце I тыс. до н. э. было, очевидно, связано как с некоторым ослаблением Қатаба́на, так и с развитием международной морской торговли в бассейне Индийского океана, в которую Аусан оказался вовлечен благодаря своему географическому положению.

³ К сожалению, в эту таблицу удалось включить не всех известных нам аусанских царей данного периода. Так, за ее рамками остались 'Аммйаса' Гайлән Джушам (CIAS 49.10/s4/F 59 n° 1) и [...]ум Зайхамән (*ZYHMN*), сын Илшараха (CIAS 49.10/s4/F 59 n° 2).

бронзовые статуи, как обычным южноаравийским божествам. Культ его отправляли в том же храме На'ман, где поклонялись его божественному отцу Вадду (CIAS 96.51/o1/R 71, стк. 5; CIAS 49.10/o1 n° 2, стк. 4, n° 3, стк. 3, n° 4, стк. [5]). Ни до, ни после этого ни одного правителя древней Южной Аравии не объявляли богом, поэтому в данном случае мы, очевидно, сталкиваемся с проявлением эллинистического влияния. К тому же дошедшая до нас статуя одного из почитателей Йасдук'ила Фари'ум Шарах'ата выполнена по греко-римским образцам¹.

Еще Б. А. Тураев отмечал, что влияние эллинизма сказывалось «прежде всего в усилении царской власти», приводя в качестве примера мероитского царя Эргамена (1-я половина III в. до н. э.)². Повидимому, в Аусане на рубеже н. э. была сделана попытка реформировать царскую власть по образцу эллинистических монархий. Однако обожествление царя оказалось совершенно чуждым южноаравийским религиозным традициям и не прижилось не только в соседних государствах, но и в самом Аусане. Возможно, это неудачное нововведение способствовало исчезновению Аусанского царства с политической карты древнего Йемена.

В то же время не следует переоценивать степень эллинистического влияния на южноаравийские государства. Древнегреческий язык не использовался ни в официальных надписях их правителей, ни в эпиграфических документах, составленных их подданными³. Не оказал он и сколько-нибудь заметного влияния на местные языки⁴. Поэтому предположение Альфреда Бистона о том, что скопированная Космой Индикопловом древнегреческая надпись на троне из Адулиса, имя автора которой не сохранилось⁵, принадлежит аусанскому царю Йасдук'илу Фари'ум Шарах'ату (Beeston 1980), представляется безосновательным и не может быть принято⁶.

¹ См. CIAS F 58/s4/49.10 n° 3, где она ошибочно рассматривается как статуя самого царя.

² Тураев 1935—1936, II. С. 241. Согласно Диодору Сицилийскому (III, 6, 3), прежде жрецы были властны приказать царю Мероэ умереть, прислав к нему специального вестника, но во времена Птолемея II «...царь Эргамен, получивший греческое воспитание и философски образованный, первый осмелился пренебречь этим повелением. Возымев образ мыслей, достойный царя, он ушел вместе с войсками в заповедное место, где находился золотой храм эфиопов, перебил всех жрецов и, уничтожив этот обычай, переделал все по своему усмотрению» (пер. по: Берзина, Куббель 1990. С. 54). Под эфиопами Диодор, как и другие античные авторы, имел в виду, конечно, мероитов.

³ Надпись на древнегреческом, обнаруженная СОЙКЭ близ древнего хадрамаутского порта Қана', была составлена неким Космой, находившимся там по торговым делам, во 2-й половине IV в. н. э. и явно не принадлежит к южноаравийской эпиграфической традиции (см.: Виноградов, Седов 1989).

⁴ Несколько слов, связанных с христианскими реалиями, такими как *qls'-n* 'церковь' (Beeston et al. 1982. С. 105; ср. 'εκκλησία) и *krs'ts'* 'Христос' (RES 3904 = Istanbul 7608 bis 16), были заимствованы гораздо позже во время монотеистического периода (см. ниже) и, возможно, не прямо из древнегреческого.

⁵ Новейшее переиздание этого текста осуществлено под сиглом RIE 277 (рус. пер. см.: Берзина, Куббель 1990. С. 193—196).

⁶ Следует подчеркнуть, что в тексте адулисской надписи нет ни малейшего намека на Аусан. Непредвзятый ее анализ не оставляет сомнений в том, что составлена

Ҳимйар и Аксум. Религиозная реформа IV в. н. э.

Как уже неоднократно подчеркивалось, общие тенденции политического развития южноаравийско-эфиопской цивилизации были теми же, что и на всем Древнем Востоке. Так, процесс перехода от ранней к имперской древности наблюдался с начала I тыс. н. э. в Ҳимйаре и Аксуме. В соответствии с концепцией И. М. Дьяконова и В. А. Якобсона под империей в этом очерке подразумевается крупная держава, созданная благодаря применению военной силы ради объединения в рамках единого политического образования регионов с различными типами хозяйства (производящих средства производства и производящих предметы потребления) и обладающая искусственным административно-территориальным делением¹. И Ҳимйаритское, и Аксумское царства подходят под все эти признаки, за исключением последнего². Действительно, оба этих государства существенно расширили свои территории за счет завоевательных походов. Присоединив в конце III в. н. э. Саба', а в 1-й половине IV в. н. э. и Ҳадрамаут, цари Ҳимйара распространили свою власть на всю Южную Аравию и в ознаменование этого приняли так называемый «долгий» титул: «царь Саба' и Зү Райдана и Ҳадрамаута и Йаманата»³. Серединой IV в. н. э. следует датировать и нашедшие отражение в пространных надписях походы аксумского царя Эзаны, в результате которых ему удалось подчинить большую часть Северной Эфиопии⁴. Под контролем правителей этих государств оказались разнородные в хозяйственном отношении районы: как составлявшие ядро их владений земледельческие территории, так и места обитания полукочевников и кочевников. В восходящих к Эзанае эпиграфических памятниках повествуется о покорении крупных племенных союзов североафриканских номадов бега и ноба⁵. Активную политику Ҳимйаритских царей в отношении аравийских бедуинов, итогом которой стало создание во Внутренней Аравии вассального «Нового киндитского царства», отражает смена «долгого» их титула на

она была эфиопским правителем. Неслучайно эта идентификация была проигнорирована подавляющим большинством сабеистов. Странным диссонансом на общем фоне прозвучало мнение специалиста по североаравийской эпиграфике Ф. Скаглиарини, с восторгом отозвавшейся о данной гипотезе А. Бистона (Scagliarini 1995. С. 131).

¹ Дьяконов и др. 1989. Кн. 2. С. 9—18.

² Наиболее четко понятие «искусственного», специфически государственного административно-территориального деления» определено А. В. Коротаевым. Он же убедительно показал его отсутствие в Саба' среднего периода (Коротаев 1997. С. 122—123).

³ Краткое изложение этих событий с учетом новейших открытий см.: Robin 1996. Кол. 1139—1140. Под Йаманатом (YMNТ) следует, очевидно, понимать просто «южные земли», не пытаясь предложить его конкретную локализацию.

⁴ RIE 185, 185 bis, 186—190, 270, 270 bis, 271. Важнейшие из этих текстов были переведены с греческого и геэза (классического эфиопского) и снабжены подробным историческим комментарием Г. М. Бауэром (Берзина, Куббель 1990. С. 161—179).

⁵ RIE 185, 189, 271 (пер. и коммент. см.: Берзина, Куббель 1990. С. 167—169, 174—179).

еще более долгий («царь Саба» и Зү Райдана и Хадрамаута и Йаманата и бедуинов их на плоскогорье и на равнине») в 1-й половине V в.¹ Контроль над вождествами североименского нагорья обеспечивал, кроме того, потребности Химйара в металлах, в том числе драгоценных². Однако оборотной стороной столь значительной экспансии в регионах, располагавшихся на периферии Древнего мира, явилось то, что среди земель, покоренных химйаритами и аксумитами, едва ли не большая часть находилась на догосударственной стадии развития и в принципе не могла быть интегрирована в характерные для империи административные структуры. В итоге, несмотря на упоминания в надписях химйаритских наместников ('*qb*, мн. ч. '*qbt*'), назначавшихся в некоторые города, деление Южной Аравии на отдельные области или провинции, не связанное с прежним племенным делением, так и не сложилось³. Судя по косвенным признакам, ситуация в Аксуме была аналогичной⁴. Кроме того, процесс становления обеих империй выпал на тот период, когда международная торговля в Индийском океане, от которой во многом зависело их экономическое процветание, стала клониться к упадку вследствие общего кризиса античного мира. В итоге этот процесс так и не завершился, что позволяет причислить Химйаритское и Аксумское царства, с точки зрения достигнутого ими уровня развития во всемирно-историческом масштабе, к категории «несостоявшихся» империй.

Переломным моментом в истории обоих государств стало принятие ими монотеизма и отказ от язычества. С Аксумом ситуация ясна: у специалистов не вызывает серьезных сомнений провозглашение царем Эзаной христианства в середине IV в. н. э. государственной религией⁵,

¹ Robin 1996. Кол. 1141. Подробно о взаимовлиянии оседлой и кочевой культур в Химйаритском царстве, о «бедуинизации» химйаритов и о «химйаритизации» полукочевников и кочевников Аравии см.: Пиотровский 1985. С. 50–70.

² Об интенсивной разработке йеменского серебряного рудника ар-Радрад еще в доисламскую эпоху см.: Пиотровский 1985. С. 184. Автору этих строк удалось найти в неопубликованной рукописи небольшого позднесредневекового анонимного сочинения «О рудниках Йемена», хранящейся в Британской библиотеке, упоминание о том, что из железа, добывавшегося в одном из рудников в горах Нукум, изготавливались «химйаритские мечи» (Аноним (рук.), л. 75b). На наш взгляд, Кр. Ж. Робен несколько недооценивает роль металлургии в древней Южной Аравии (см. Robin 1996. Кол. 1201).

³ Такими провинциями ни в коем случае нельзя считать *михлафы* — упоминаемые в арабских средневековых географических сочинениях небольшие округа, на которые принято было делить Йемен, поскольку их границы, даже если они восходят к химйаритскому времени, как правило, совпадают с границами расселения племен или общин (Грязневич 1981; Matsumoto 1994). По мнению П. А. Грязневича, вплоть до прихода персов в конце VI в. н. э., имеет смысл говорить об этнотерриториальном, а не об административно-территориальном делении Южной Аравии (Грязневич 1981. С. 28–29).

⁴ Так, после упадка и гибели Аксума в конце I тыс. н. э. в Эфиопии не осталось никаких следов аксумских провинций. Для сравнения можно указать, что влияние административно-территориального деления Римской империи продолжало сказываться и после ее распада, во многом определив границы средневековых европейских государств.

⁵ См., например: Берзина, Куббель 1990. С.176.

хотя это событие очень плохо отражено в источниках. Так, даже о таком важнейшем изменении в эфиопской культуре, как переход от алфавитной системы письма к силлабарии, вызванный потребностью в точной передаче текстов богослужебных книг, сообщается крайне глухо и неопределенно. Зная о том, как высоко почитают в Армении Месропа Маштоца, трудно поверить, что эфиопская христианская традиция не сохранила даже имени изобретателя этого весьма совершенного слогового письма¹.

Что же касается Химйара, то там загадок еще больше. Первые дошедшие до нас местные монотеистические надписи RES 3383 и Garbini Bayt al-Ashwal 2 датированы январем 384 г. н. э.² Составлены они от имени химйаритских царей Маликкариба Йуха'мина и его сыновей Абкариба Ас'ада и Зара'амара Аймана и не содержат выражений, которые позволили бы установить, какую именно монотеистическую религию исповедовали их авторы: иудаизм или христианство. Эта особенность отличает и другие официальные химйаритские надписи, высекавшиеся вплоть до начала 20-х гг. VI в. н. э., что дало повод ряду исследователей выдвинуть гипотезу о существовании в Южной Аравии данного периода особой разновидности единобожия, которую именуют то неопределенно-монотеистической религией³, то йеменским монотеизмом⁴, то «рахманизмом»⁵. Наиболее серьезным аргументом против подобной концепции служит отсутствие упоминаний о такой религии в позднеантичных источниках и в мусульманской традиции, а также малейших намеков в эпиграфических памятниках на какие-либо специфические предметы культа, почитавшиеся ее приверженцами, или на особое «жречество» или «священство», отправлявшее этот культ.

Но есть и другая точка зрения, наиболее последовательным сторонником которой является в последние годы Кр. Ж. Робен. Опираясь отчасти на данные арабо-мусульманских источников, отчасти на небольшое число явно иудейских надписей, составлявшихся в Йемене V—начала VI в. частными лицами или отдельными представителями знати, он пришел к выводу, что в конце IV в. н. э. правящая династия обратилась в иудаизм, но была вынуждена проводить крайне ос-

¹ К геэзским буквам, которые несомненно восходят к сабейскому прототипу, стали добавлять «крючки» и «кружки», обозначавшие гласные звуки, иногда несколько изменяя начертание самой буквы. На наш взгляд, наиболее вероятным образцом для подражания следует признать индийские слоговые системы письма (см. Chatterji 1968. С. 49—56).

² См.: Robin 1996. Кол. 1140 (где Кр. Робен ссылается лишь на Garbini Bayt al-Ashwal 2) и Robin 2000. С. 46 (где он вспомнил о существовании RES 3383). Следует заметить, что в опубликованном под сиглом RES 3383 переводе Э. Глязера на месте названия месяца была указана лакуна. Вероятно, Кр. Робен смог прочесть это название (*ḡ-d'w-n*) по фотографии, изданной Дж. Гарбини (Garbini 1970. Табл. Ib).

³ Лундин 1961. С. 117—118.

⁴ Пиотровский 1985. С. 155—157.

⁵ Beeston 1984 bis. Появление этого термина связано с тем, что в йеменских «неопределенно-монотеистических» надписях бога нередко называют Рахмананом (*ṛḥmn-n*), т. е. «Милостивым».

торожную религиозную политику из-за необходимости считаться с могущественной христианской Византией и ни в чем не ущемлять интересы обратившихся в христианство химйаритов, населявших преимущественно портовые города и окраинные области государства¹. Разделяя в принципе такой подход, хотел бы уточнить, что, на наш взгляд, решающее значение имел не внешне-, а внутривластный фактор, стремление любой ценой сохранить стабильность в обществе, часть членов которого приняла иудаизм, а часть стала христианами. Вполне вероятно, что расколотыми по религиозному признаку оказались многие знатные семейства, в том числе химйаритский царствующий род (или группа родов)². В конечном итоге такая религиозная политика оказалась для Химйара роковой. Если в Аксуме на остатках древней культуры выросла самобытная христианская цивилизация средневековья, то в Химйаритском царстве разрушение основанных на политеизме местных культурных традиций, прежде всего резкое сокращение сферы применения мертвого сабейского языка из-за закрытия языческих храмов, породило духовный вакуум, который в течение почти полутора столетий не был заполнен новой государственной идеологией. Вспыхнувшее в 523—525 гг. открытое военное столкновение местных иудеев и христиан³ привело к вмешательству Аксума и к эфиопской оккупации страны. Правда, аксумский наместник в Йемене Абраха с начала 30-х гг. VI в. правил Химйаритским царством практически самостоятельно и даже попытался основать свою династию, но это была уже агония южноаравийской цивилизации.

Следует подчеркнуть, что слом многовековых традиций происходил в Южной Аравии конца IV—начала VI в. не только в общегосударственном масштабе, но и на местном уровне. Так, согласно уникальной по содержанию надписи MAFRAY-Ḥaṣī 1, полный текст которой пока не опубликован⁴, ее автор, Илйафа' Арсал из влиятельного южнойеменского рода Хаṣбах, очевидно, возглавлявший одну из местных иудейских общин, издал *gezēru*, специальный декрет, ограничивавший контакты иудеев с иноверцами, в котором запретил хоронить на иудейском кладбище «арамеев» (т. е. неиудеев)⁵. Прежде членов одного рода в Южной Аравии всегда погребали вместе, существовали даже специальные родовые гробницы. Ясно, что такого рода новшества разрушали устой южноаравийской цивилизации.

¹ Robin 1991. С. 145—147; Robin 1996. Кол. 1190—1192; Robin 2000. С. 46—48.

² Похоже, что в Химйаре передача престола по прямой мужской линии (как правило, от отца к сыну) окончательно утвердилась с переходом к монотеизму.

³ Точная датировка этих событий, в первую очередь преследования христиан северо-йеменского оазиса Наджрāн, основанная на тщательном анализе всех имеющихся источников, дана: Robin et al. 1999—2000.

⁴ Первая половина текста издана с переводом и очень скудным комментарием: Robin 1991. С. 146. Большая ее часть переведена и откомментирована: Frantsouzoff 1996. Полностью надпись выходит: Robin, Frantsouzoff [в печати].

⁵ Интересно, что в средневековой Европе появление аналогичного запрета восходит к XI в.

Библиографические сокращения

- Аноним (рук.) — Anonymous Manuscript of the British Library Or. 3738, ff. 75a—77b: *Зикр ма 'урифа мауди'у-ху мин ма'адин ал-Йаман.*
- Бауэр 1964 — *Бауэр Г. М.* «Мукарриб» и «царь» (к вопросу о государственном строе древней Сабы) // ВДИ. Т. 88 (1964. № 2). С. 17—36.
- Бауэр 1995 — *Бауэр Г. М.* Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983—1984 гг., общий обзор) // ТСОЙКЭ, I. С. 112—152.
- Берзина, Куббель 1990 — История Африки в древних и средневековых источниках: Хрестоматия / Сост. С. Я. Берзина и Л. Е. Куббель. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990.
- ВДИ — Вестник древней истории, М.
- Виноградов, Седов 1989 — *Виноградов Ю. Г., Седов А. В.* Греческая надпись из Южной Аравии // ВДИ. 189 (1989. № 2). С. 162—169.
- Грязневич 1981 — *Грязневич П. А.* Энотерриториальное деление Йемена в V—X вв. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годовичная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1981. Ч. II. С. 26—32.
- Грязневич 1996 — *Грязневич П. А.* Предисловие // ТСОЙКЭ, II. С. 6—18.
- Дьяконов и др. 1980 — История древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова и др. М., 1980. Кн. 1—3.
- Дьяконов и др. 1982 — То же. 2-е изд. М., 1982.
- Дьяконов и др. 1989 — То же. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989.
- Дьяконов 1994 — *Дьяконов И. М.* Пути истории. М., 1994.
- Коротаев 1996 — *Коротаев А. В.* От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 81—91.
- Коротаев 1997 — *Коротаев А. В.* Сабейские этюды: Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997.
- Красноморские заметки, I — Красноморские заметки, I / Под ред. Э. Е. Кормышевой и А. В. Седова. М., 1994 (Материалы по истории цивилизации древней Южной Аравии).
- Лундин 1961 — *Лундин А. Г.* Южная Аравия в VI в. // Палестинский сборник. Вып. 8 (71). М.; Л., 1961.
- Лундин 1971 — *Лундин А. Г.* Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М., 1971.
- Лундин 1977 — *Лундин А. Г.* Принципы престолонаследия в древней Южной Аравии // Мероэ. История, история культуры, язык древнего Судана. [Вып. 1.] М., 1977. С. 278—281.
- Лундин 1995 — *Лундин А. Г.* Архивы древнего Йемена // ВДИ. Т. 213 (1995. № 3). С. 3—13.
- Пиотровский 1985 — *Пиотровский М. Б.* Южная Аравия в раннем средневековье. Становление средневекового общества. М., 1985.
- Родионов 1994 — *Родионов М. А.* Этнография Западного Хадрамаута: Общее и локальное в этнической культуре. М., 1994.
- Седов 1996 — *Седов А. В.* Райбун — комплекс археологических памятников в низовьях вади Дау'ан // ТСОЙКЭ, II. С. 19—30. Табл. I—XXVI.
- ТСОЙКЭ — Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I: Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Т. II: Городище Райбун (Раскопки 1983—1987 гг.). М., 1995, 1996.
- Тураев 1935—1936 — *Тураев Б. А.* История Древнего Востока / Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева. 2-е стер. изд. Л., 1936. Т. I—II.
- Французов 1995 — *Французов С. А.* Судьбы сабейской цивилизации в Эфиопии // Африка: культура и общество (исторический аспект). М., 1995. С. 77—84.

- Французов 1998 — Французов С. А. О водопользовании в древнем внутреннем Хадрамауте // Эпиграфика Востока. XXV. М., 1998. С. 130—151.
- Французов 2000а — Французов С. А. Южноаравийская письменность и древне-йеменская словесность: новые открытия, старые проблемы // Россия и Арабский мир: Научные и культурные связи. Вып. 7. СПб., 2000. С. 28—36.
- Французов 2000б — Французов С. А. Общество Райбуна // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М., 2000. С. 302—312.
- Шифман 1995 — Шифман И. Ш. Из истории древней Южной Аравии // ТСОЙ-КЭ, I. С. 253—264.
- Arabia antiqua — Arabia antiqua. Early origins of South Arabian States. Proceedings of the 1st Internatioanl Conference on the Conservation and Exploitation of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Brancaccio, Rome, by IsMEO on 28 —30th May 1991 / Ed. by Chr. J. Robin with the collaboration of I. Gajda (Serie Orientale Rome. LXX. 1). Roma, 1996.
- Arbach 1993, I — Arbach M. Le maḍābien: Lexique — Onomastique et Grammaire d'une langue de l'Arabie méridionale préislamique. Thèse de doctorat—Nouveau régime. T. I: Lexique maḍābien. Aix-en-Provence, 1993.
- Avanzini 1977—1980 — Avanzini A. Glossaire des inscriptions de l'Arabie du Sud antique 1950—1973. I—II. Firenze, 1977, 1980 (Quaderni di Semitistica, 3).
- Avanzini 1996 — Avanzini A. La chronologie «courte»: un réexamen // Arabia antiqua. C. 7—13.
- Bāfaqīh 1990 — Bāfaqīh, Muḥammad 'Abd al-Qādir. L'unification du Yémen antique. La lutte entre Saba', Ḥimyar et le Ḥaḍramawt du Ier au IIIème siècle de l'ère chrétienne. P., 1990 (Bibliothèque de Raydān. Vol. I).
- Beeston 1962 — Beeston A. F. L. A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. L., 1962.
- Beeston 1980 — Beeston A. F. L. The Authorship of the Adoulis Throne Text // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 43. 1980. C. 453—458.
- Beeston 1984 — Beeston A. F. L. Sabaic Grammar. Manchester, 1984 (Journal of Semitic Studies Monograph No. 6).
- Beeston 1984 bis — Beeston A. F. L. Himyarite Monotheism // Studies in the History of Arabia. Vol. II: Pre-Islamic Arabia. Proceedings of the 2nd International Symposium on Studies in the History of Arabia. Riyadh, 1984. C. 148—154.
- Beeston et al. 1982 — Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J. Sabaic Dictionary (English- French-Arabic). Louvaine-la-Neuve; Beyrouth, 1982.
- Biberstein Kazimirski 1860 — de Biberstein Kazimirski A. Dictionnaire arabe-français. P., 1860. T. I—II.
- Breton 1996 — Breton J.-Fr. Quelques dates pour la l'archéologie sudarabique // Arabia antiqua. C. 87—110.
- Briend 1996 — Briend J. Sheba (dans la Bible) // Supplément au Dictionnaire de la Bible. XII. P., 1996. Кол. 1043—1046.
- Caton Thompson 1944 — Caton Thompson G. The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadhramaut). Oxford, 1944 (Report of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London № 13). Pt. VII: Epigraphy by G. Ryckmans. C. 158—160, 162—163. Табл. LXIII—LXIV.
- Chatterji 1968 — Chatterji, Suniti Kumar. India and Ethiopia from the 7th Century B. C. Calcutta, 1968 (The Asiatic Society Monograph Series. Vol. XV).
- CRAIBL — Comptes rendues des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P.
- Frantsouzoff 1995 — Frantsouzoff S. A. The Inscriptions from the Temples of Dhat Ḥimyam at Raybūn // PSAS. 25. 1995. C. 15—27. Табл. I—II.
- Frantsouzoff 1996 — Frantsouzoff S. A. A Gezerah-Decree from Ancient Southern Arabia (new approach to the interpretation of MAFRAY-Ḥaṣī 1) // ARAM Periodical. 8 (1&2). 1996 (опубликована в 1999 г.). С. 299—306.

- Frantsouzoff 1997a — *Frantsouzoff S. A.* [Рец. на:] Красноморские заметки, I // *Bulletin critique des annales islamologiques (Le Caire)*. 13. 1997. С. 113—117.
- Frantsouzoff 1997b — *Frantsouzoff S. A.* Regulation of conjugal relations in ancient Raybūn // *PSAS*. 27. 1997. С. 113—127.
- Frantsouzoff 2001 — *Frantsouzoff S. A.* Epigraphic evidence for the cult of the god Sīn at Raybūn and Shabwa // *PSAS*. 31. 2001. P. 59—67.
- Frantsouzoff [в печати] а — *Frantsouzoff S. A.* La mention du «tailleur de pierre» (grby-hn/-n) dans les inscriptions sudarabiques // *Raydān*. 7 (в печати).
- Frantsouzoff [в печати] б — *Frantsouzoff S. A.* En marge des inscriptions de Raybūn (remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue ḥaḍramoutique épigraphique) // *Arabia*, 1 (в печати).
- Frantsouzoff [в печати] с — *Frantsouzoff S. A.* Raybūn et la Mecque (Notes préliminaires) // *Arabia*, 1 (в печати).
- Garbini 1970 — *Garbini G.* Una bilingua sabeo-ebraica da Zafar // *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. 30 (N. S. XX). 1970. С. 153—165.
- Garbini 1975 — *Garbini G.* I primi «mukarrīb» di Saba // *Mélanges de l'Université St.-Joseph*, XLIX. 1975—1976. С. 691—706. Pl. 1.
- Gnoli 1996 — *Gnoli G.* Il sincronismo mineo-persiano // *Arabia antiqua*. С. 23—34.
- Jamme 1957 — *Jamme A.* La paléographie sud-arabe de J. Pirenne. Washington, 1957.
- Kitchen 1994 — *Kitchen K. A.* Documentation for Ancient Arabia. Pt I: Chronological Framework & Historical Sources. Liverpool, 1994 (The World of Ancient Arabia Series).
- Korotayev 1994 — *Korotayev A.* Was the «Traditional Sabaeen Dynasty» of the 1st Century A. D. Really Sabaeen? // *Archív Orientální*. 62. 1994. С. 27—31.
- Korotayev 1997 — *Korotayev A.* A Socio-Political Conflict in the Qatabanian Kingdom? (A Preliminary Re-interpretation of the Qatabanic Inscription RES 3566) // *PSAS*. 27. 1997. P. 141—158.
- Lane 1863—1893 — *Lane E. W.* An Arabic-English Lexicon. Book I. Pt 1—8. London; Edinburgh, 1863—1893.
- Lemaire 1996 — *Lemaire A.* Histoire du Proche-Orient et chronologie sudarabique avant Alexandre // *Arabia antiqua*. С. 35—48.
- Lundin 1973 — *Lundin A. G.* Le régime citadin de l'Arabie du Sud aux IIe — IIIe siècles de notre ère // *PSAS*. [3]. 1973. С. 26—28.
- Lundin 1981 — *Lundin A. G.* Les principes de la succession au trône dans l'Arabie du Sud ancienne // *Raydān*. 4. 1981. С. 37—41.
- Maigret, Robin 1989 — *de Maigret A., Robin Chr. J.* Les fouilles italiennes de Yalâ (Yémen du nord): nouvelles données sur la chronologie de l'Arabie du sud préislamique // *CRAIBL*. 1989. С. 255—291.
- Matsumoto 1994 — *Matsumoto H.* The history of 'uzlah and mikhlāf in North Yemen // *PSAS*. 24. 1994. С. 174—182.
- Pirenne 1955 — *Pirenne J.* La Grèce et Saba. Une nouvelle base pour la chronologie sud-arabe (Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. T. XV). P., 1955. С. 90—196.
- Pirenne 1956 — *Pirenne J.* Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution à la chronologie et à l'histoire de l'Arabie du Sud antique. T. I: Des origines jusqu'à l'époque himyarite (Verhandelingen van de Koninklijke Vlaamse Academie voor wetenschappen, letteren en schone kunsten van België. Klasse der letteren. Verhandeling N° 26). Brussel (Paleis der Academiën), 1956.
- PSAS — Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. L.
- ReMMM, 61 — L'Arabie antique de Karīb'il à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions. Sous la responsabilité de Chr. Robin // *Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée*. N° 61 (1991—3).
- Ricks 1989 — *Ricks S. D.* Lexicon of Inscriptional Qatabanian. Roma, 1989 (Studia Pohl, 14).
- Robin 1991 — *Robin Chr. J.* Du paganisme au monothéisme // *ReMMM*. 61. С. 139—155.
- Robin 1994 — *Robin Chr. J.* Yashhur'il Yuhar'ish, fils d'Abiyaša', mukarrīb du Ḥaḍramawt // *Raydān*. 6. 1994. С. 101—111. Pl. 48.

- Robin 1996 — *Robin Chr. J. Sheba* (dans les inscriptions d'Arabie du Sud) // Supplément au Dictionnaire de la Bible. XII. P., 1996. Кол. 1047—1254.
- Robin 2000 — *Robin Chr. J. À propos de la prière: emprunts lexicaux à l'hébreu et l'araméen relevés dans les inscriptions préislamiques de l'Arabie méridionale et dans le Coran* // Prières méditerranéennes hier et aujourd'hui. Études réunies par G. Dorival et D. Pralon. Aix-en-Provence, 2000 (Textes et documents de la Méditerranée antique et médiévale. N° 1). C. 45—69.
- Robin, Maigret 1998 — *Robin Chr. J., de Maigret A. Le Grand Temple de Yéha* (Tigray, Éthiopie), après la première campagne de fouilles de la Mission française (1998) // CRAIBL. 1998 (juillet—octobre). C. 737—798.
- Robin, Frantsouzoff [в печати] — *Robin Chr. J. Les inscriptions de Ḥaṣī* (avec une contribution de Serge Frantsouzoff). Raydān. 7 (в печати).
- Robin et al. 1999—2000 — *Beaucamp J., Briquel-Chatonnet F., Robin Chr. J. La persécution des chrétiennes de Nagrān et la chronologie ḥimyarite* // ARAM Periodical (The Mandaean, Antioch and Edessat Cultural Interchange in the Arabian Peninsula). 11 & 12 (1999—2000). P. 15—83.
- Ryckmans, Müller, Abdallah 1994 — *Ryckmans J., Müller W. W., Abdallah Y. M. Textes du Yémen antique inscrits sur bois* (with an English Summary). Avant-Propos de J.-Fr. Breton. Louvain-la-Neuve, 1994 (Publications de l'Institut orientaliste de Louvain).
- Scagliarini 1995 — *Scagliarini F. La chronologie dédanite et liḥyanite: mise au point* // Présence arabe dans le Croissant fertile avant l'Hégire. Textes réunis par H. Lozachmeur. P., 1995. C. 119—132.

СИГЛЫ ЦИТИРОВАННЫХ НАДПИСЕЙ

- ас-Саққāф 1 — *Ас-Саққāф Х. М. Дж. Аввал нақш йазкуру мукарриб Аусāн* // Raydān. 6. 1994. С. 111—120. Табл. 15—16.
- CIAS — Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes, t. I (section 1: Inscriptions, section 2: Antiquités), t. II: Le Musée d'Aden (section 1: Inscriptions, section 2: Antiquités). Louvain, 1977, 1986.
- Garbini Bayt al-Ashwal 2 — Garbini 1970. С. 160—163. Табл. I с.
- Ḥuwaydar A — *Pirenne J. Deux prospections historiques au Sud-Yémen* // Raydān. 4. 1981. С. 22—23. Табл. XII.
- Ja 555 — *Jamte A. Sabaeen Inscriptions from Maḥram Bilqīs (Mârib)*. Baltimore, 1962 (Publications of the American Foundation for the Study of Man. Vol. III). С. 18—21.
- Ja 892 A — *Jamte A. Two Hadrami Inscriptions from Zôfar* // Bibliotheca Orientalis (Leiden). XXIV. 1967. N 3/4. С. 146—148. Табл. II/3.
- Ja 2883 — *Jamte A. Miscellanées d'ancien (sic!) arabe, IX*. Washington, 1979. С. 97—98. Табл. j.
- Khor Rori — *Pirenne J. The Incense Port of Moscha (Khor Rori) in Dhofar* // Journal of Oman Studies. 1. 1975. С. 81—96. Табл. I—IV; *Beeston A. F. L. The Settlement at Khor Rori* // Journal of Oman Studies. 2. 1976. С. 39—42.
- M — *Iscrizioni sudarabiche. Vol. I: Iscrizioni minee*. Napoli, 1974 (Istituto orientale di Napoli. Pubblicazioni del seminario di semitistica a cura di G. Garbini. Ricerche, X).
- Raybūn 6 — *Breton J.-Fr. et al. Wādī Ḥaḍramawt. Prospections 1978—1979*. Aden, [1980]. С. 104. Табл. II.
- RES — Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum. T. V—VIII. P., 1929, 1935, 1950, 1968.
- RIE — *Bernard E., Drewes A. J., Schneider R. Recueil des inscriptions de l'Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite*. Introduction de Fr. Anfray. T. I: Les documents. T. II: Les planches. P., 1991.
- Shaqab 8 — *Inventario delle iscrizioni sudarabiche. T. 2: Gnoli G. Shaqab al-Manaṣṣa*. Parigi; Roma, 1993. С. 84—86. Табл. 11.
- 'Uqayba 5 = Ingrams 2 — *Pirenne J. Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire*. Fouilles de Shabwa, I. P., 1990 (Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique, t. CXXXIV). С. 53—54. Рис. 16, 17.